У Тёркина в плену

Алексей МАНАЕВ

Литература и правда жизни

Всякий раз, перечитывая «Василия Теркина», автору которого, Александру Твардовскому, совсем недавно исполнилось 110 лет со дня рождения, все чаще и чаще вспоминаю крохотную новеллу О'Генри, которая в одних сборниках называется «Последний лист», в других более жалостливо – «Последний листок». Связаны воспоминания с веяниями, появившимися в отечественной литературе в постсоветское время. Они – не анализ практики, не наблюдения или пожелания. Они требование, своеобразный литературный катехизис. Война в романах и повестях, в стихах и поэмах, безапелляционно наставляют нас, должна соответствовать правде жизни. А это человеческая кровь на снегу, пока она яркая и пока ещё льётся. Это брошенные до весны солдатские трупы. Это шаги во весь рост, с открытыми глазами – навстречу смерти. Это клочья шершавой солдатской шинели со сгустками крови и кишок, висящие на сучьях и ветках деревьев. Это розовая пена в дыре около ключицы – у солдата оторвана вся нижняя челюсть и гортань. Это кирзовый сапог, наполненный розовым месивом. Это кровавые брызги в лицо – разорванного снарядом солдата. Это нечеловеческие условия пребывания в живом состоянии на передовой, под градом осколков и пуль. Это беспардонная матерщина, оскорбления и угрозы со стороны штабных «фронтовиков» и «окопников».

Таковы они, литературные святцы ряда нынешних и относительно недавно покинувших мир тружеников пера, отнюдь не замыкавших стройные ряды обитателей Парнаса. Поборником такой правды о войне, особенно на закате своих дней, рьяно выступал Герой Социалистического Труда, лауреат двух государственных премий СССР Виктор Астафьев: «Ничего грязнее, жёстче, кровавее, натуралистичнее прошедшей войны на свете не было. Надо не героическую войну показывать, а пугать… Носом, как котят слепых, тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слёзы, иначе ничего от нашего брата не добьёшься». С практикой установки фронтовика идут рука об руку: «Мухота, воронье, крысы справляли на берегу свой пир. Вороны выклёвывали у утопленников глаза, обожрались человечиной и, удобно усевшись, дремали на плавающих мертвецах…» (В.Астафьев «Прокляты и убиты»). С мэтром солидарна Нобелевский лауреат по литературе Светлана Алексиевич, изложившая своё кредо в сочинении «У войны не женское лицо». Для неё чем больше страдания, тем больше «правды жизни». Все чаще и чаще с этой меркой подходят и к художественным фильмам. В частности, к киноленте Леонида Быкова «В бой идут старики» – не то, мол, нет войны, имитация.

Будет ли через полвека пользоваться спросом и авторитетом в читательской среде роман Астафьева «Прокляты и убиты» и творения Алексиевич, оценённые Нобелевской премией, где кровавое месиво клоками висит на каждой странице, – большой вопрос. А написанный 75 лет назад «Василий Теркин» до сих пор востребован, как, впрочем, и знаменитый фильм Быкова. Загадка? Загадка, сродни улыбке Моны Лизы – вечно меняющейся и вечно ускользающей. Попытки загнать поэму в жанровое стойло, назвав её эпическим полотном и тем самым объяснив популярность, мало что дают. Дело, в конечном счёте, не в жанре, не в количестве страниц и масштабности поэтического или беллетристического исследования. Порой несколько строк (например, «Я только раз видала рукопашный» Юлии Друниной) воистину томов премногих тяжелей.

Выходит, востребованность «Книги про бойца» как раз и объясняется тем, что написана она вопреки лекалам некоторых литературных эстетов. По крайней мере, очевидно: главный герой – Теркин – далеко не супермен, не богатырь сродни Ильи Муромцу. Поэт пишет без обиняков, что «парень сам собой он обыкновенный», что «красотою наделён не был он отменной», ростом же «не высок, не то чтоб мал». Перед нами человек «не тот, что в сказке – беззаботный великан, а в походной запояске, человек простой закваски, что в бою не чужд опаски». Иными словами, по физическим данным не один из многих, не Джеймс Бонд, не

рыцарь без страха и упрёка, а, пожалуй, такой, как все. И это – очень важная особенность поэмы.

А теперь о поведении Теркина на фронте. Присмотревшись, обнаруживаем, что Твардовский, будто предвосхищая призывы нынешней литературной знати и как бы дразня её, поступает ровным счётом наоборот. Солдатские перипетии не обойдены стороной. Они сопровождают всю поэму. Мы видим, как «…Столбом поставил воду / Вдруг снаряд. Понтоны – в ряд. /Густо было там народу – /Наших стриженых ребят… /И увиделось впервые, /Не забудется оно: /Люди тёплые, живые /Шли на дно, на дно, на дно…». Мы нутром чувствуем состояние бойца, переживающего очередной артиллерийский «сабантуй»: «Ты лежишь ничком, парнишка, /Двадцати неполных лет, /Вот сейчас тебе и крышка, / Вот тебя уже и нет».

Но Твардовский ограничивает батальные сцены несколькими штрихами, не разворачивает кадры в масштабное полотно. И без того ясно – любая война далека от пасторальных картин, война с фашистскими завоевателями – тем более. Даже в самых острых ситуациях мы не найдём астафьевского выклёвывания убиенным глаз. Тыкать читателей, как котят, «в нагаженное место, в кровь, в гной, в слёзы», на взгляд автора, который целиком разделяю, бессмысленно. Во-первых, рядовой фронтовик – советский солдат – в них не повинен. Для него война – не мать родна и даже не сварливая тёща, а стихийное бедствие, апокалипсис. Во-вторых, стоит помнить о том, что поэма написана во время тяжелейшего испытания для всей страны, для всего народа. Тыкание в «нагаженное место», в определённой дозе уместное, может быть, в послевоенное время, вряд ли поднимало бы боевой дух бойцов. Между тем, автор «Мечтал о сущем чуде: / Чтоб от выдумки моей, /На войне живущим людям /Было, может быть, теплей…».

Запомним это. Поэт избегает «натурализации» боёв, не стремится огорошить нас жёсткими и жестокими зарисовками с натуры. Он показывает нутро войны изнутри человеческого естества – души. С этой точки зрения кровь и пот на поле брани – фронтовая правда, возможно, и не самая страшная. С ней смиряются, понимая, что война без жертв, без пота и крови не обходится. Куда страшнее жутких сцен живущее внутри тебя, распирающее твоё естество понимание того, что враг цинично попрал всё, что тебе дорого и свято, что носишь в себе с пелёнок, с младых ногтей. Это невыносимо, не чувствовать себя на родной земле хозяином, оставляя её пядь за пядью. Это чудовищно – пробираться к родному дому, к жене и детям, которые тебя не узнают, так, будто тать крадётся к наживе, и вороватой украдкой покидать семейное гнездо, переночевав и нарубив дров. Ты уйдёшь, а дети останутся и, возможно, уже завтра-послезавтра будут ходить сторонкой, боком, по улочке своей, потому что оккупанты прикажут: «жить живи, дышать не смей». Это убийственно, пройдя тысячи километров к родному порогу, освобождённому от немцев, обнаружить вместо деревни пепелище. Остался служивый «достоверный сирота». Примостившись на краю сухой канавы, боец «С горькой, детской дрожью рта, /Плакал, сидя с ложкой в правой, /С хлебом в левой, – сирота. /Плакал, может быть, о сыне, /О жене, о чём ином, /О себе, что знал: отныне / Плакать некому о нём».

И возникает вопрос к этому самозванцу, который хозяйничает в твоём доме, издеваясь над стариками, женщинами и детьми: «Кто ты есть, /Что должны тебе в России /Подавать мы пить и есть?.. /Кто ж ты есть? Мне толку нету, /Чей ты сын и чей отец. /Человек по всем приметам, – /Человек ты? Нет. Подлец!».

И рождается, с каждым днём крепнет понимание: освободиться от диктата подлеца можно одним путём – через войну, через схватку с врагом, через победу. Поэтому «Книга про бойца» – не описание войны как таковой. Этой стремление проследить рождение подвига на войне, стремление одновременно указать путь к нему и объяснить его. Кажется мне, что Твардовский во имя главной цели осознанно обошёл стороной битву под Москвой, Сталинградскую и Курскую битвы, другие «громкие» операции. Потому что держать фронт надо было везде – и в безымянном болотце, и на речной переправе, и у заштатного сельца Борки. Тут у каждого – свой Сталинград и Курск. Солдат воюет не во имя заморских пляжей и блюд с омарами. А за то, «Чтобы с лаской, хоть не детской, /Вновь обнять старуху мать, /Не под проволокой немецкой /Нужно было проползать… /Чтоб сердечным разговором /С земляками встретить день – /Не нужда была, как вору, /Под стеною прятать тень».

Иными словами, идти в бой за Родину, которую терять «никак нельзя». Поэт не утверждает, будто это лёгкая прогулка. Не однажды рефреном звучит: «Страшный бой идёт, кровавый, /Смертный бой не ради славы, /Ради жизни на земле».

Дилеммы тут нет. Лично тебе доверен факел жизни, лично ты за него ответственен, и лично тебе его нести по полю, где господствуют большие и малые «сабантуи». Никто не даст гарантии, что страна, семья не потеряют тебя. Но это не жертва, это самопожертвование.

С другой стороны, поэт далёк от того, будто в бою воина непременно поджидает небытие. Твардовский говорит: посмотри на Тёркина. Он такой же, как ты, он одной крови с тобой. Он прошагал дорогами войны полстраны на Восток, и пол-Европы на запад, не однажды был ранен, и не однажды окружён. Тем не менее, именно он наблюдает, как из одной тюрьмы глухой «по домам идёт Европа, пух перин над ней пургой». Это не подарок судьбы. Это отвоёванное у судьбы право. Ах, что за воин, этот Теркин! Он расчётлив и одновременно беспечен. Он храбр до безрассудства и одновременно рассудочен. Он потешен, лукав и одновременно суров, твёрд, как кремень. Из племени тех, кто считает: «Пусть ты чёрт. Да наши черти /Всех чертей в сто раз чертей». Ну как не походить на него, как не брать с него пример?

Может быть, скажет иной читатель, в войну и нужны были заповеди Тёркина, а сейчас-то какой в них прок? А что, возражу я вам, разве сейчас нам не приходится решать дилемму – выходить ли на бой с обстоятельствами, с недругами за достоинство страны, семьи, за личное достоинство? И когда ты помнишь о Теркине, решать эту дилемму куда как проще. Да по сути её и нет. Потому что ты в строю избранных, в строю тех, кого слово Отечество приводит в трепет.

Твардовский вольно относился к жанровой принадлежности своего многолетнего труда, называя его то поэмой, то «Книгой про бойца», то повестью, то сказкой, и подчёркивал, что в любой ипостаси «Василия Теркина» он, автор, старался облегчить дороги победы солдату.

Мне больше по душе слово сказ. И тут самое время вспомнить заявленную в начале эссе новеллу О'Генри «Последний лист». В трущобах Нью-Йорка от воспаления лёгких умирала девушка. Врач сказал её знакомой, что лекарства бессильны, спасти несчастную может только одно – надо «заразить» её стремлением жить. Под окнами квартиры рос осыпающийся плющ, с каждым днём количество листьев на нем таяло, и больная решила, что последний лист будет последним днём её земного бытия. Шёл осенний дождь, разыгрался ветер, но лист каким-то чудом удерживался на плюще и день, и два, и три. Благодаря этому чуду больная постепенно начала приходить в себя. Когда она выздоровела, выяснилось: на плюще не настоящий, а нарисованный жившим этажом ниже старым художником-неудачником лист. Узнав о состоянии девочки от знакомой, живописец, таким образом решил помочь ей. Прикрепляя лист к дереву, художник промок, заболел воспалением лёгких и из больницы не вернулся.

Когда перечитываю новеллу О'Генри, невольно думаю о великом предназначении искусства вообще и литературы в частности. Она в том, чтобы не заместить реальную жизнь благостными идиллическими картинами, иллюзорными представлениями, навязчивыми фантасмагориями. Она в том, чтобы вызвать жажду к жизни в «натуральном» её обличии, пробудить надежду на достойную жизнь, уверовать в её возможность не в качестве манны небесной или милостыни, а в качестве личной победы над обстоятельствами. Может быть, этой способностью вдыхать жажду жизни в читателя и дорога нам «Книга про бойца»?

Останься в памяти, война...

Наталья КИРИЧЕНКО

Антология: Великая Отечественная война в русской поэзии*

2021 год. Под капельный перезвон всё острее ощущается приближение мая – уже в семьдесят шестой раз со Дня Великой Победы над фашизмом советского народа. Сколько всего сказано и написано за эти годы о войне. И какое счастье, что с каждым годом всё обширнее объём доступных архивных документов.

Передо мной на столе девятый по счёту семисотпятидесятистраничный том многотомной антологии поэзии о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов «Война и Мир». Её уже почти десять лет издаёт санкт-петербургский Литературный Фонд «Дорога жизни».

На титульном листе обращение к читателям двух поэтов – автора идеи антологии, президента Фонда Дмитрия МИЗГУЛИНА и главного редактора-составителя Бориса ЛУКИНА, – которое раскрывает смысл проекта: *«Поэты, чьи произведения представлены в антологии, сказали своё слово не только о самой Великой Отечественной войне (1941-1945), но и о памяти этих событий в последующих поколениях. Они – люди разных возрастов и национальностей… Три поколения русской поэзии… Мы условно назвали авторов: отцы, дети и внуки. Впервые их творчество собрано и представлено столь широко и полно, объединенное одной темой – Великой Отечественной войны и памятью о ней. Хотя правильнее будет сказать – темой войны и мира. Неразрывное единство этих противоположностей пытались осмыслить поэты, а мы – собрать…».*

Перелистываю пахнущие типографской краской страницы, начав от оглавления. Есть у меня странная привычка детства – бегло осматривать новые книги именно так. Когда я несколько лет назад взяла в руки первую увесистую книгу «отцов» в красном переплёте с изображением монумента Воину Освободителю в Трептов-парке, то порадовалась этой своей особенности.

Сотни биографий, сотни лиц поэтов: фронтовиков и тыловиков, выживших и погибших, смотрят со страниц на читателя – мирного жителя вот уже более семидесяти пяти лет. Всматривалась в них, затем вчитывалась в их судьбы, и ощущала, как холодок пробегает по коже. На одном из снимков кажущийся сорокалетним мужчина с проседью, в реальности – погибший в первые годы войны молодой поэт двадцати с хвостиком лет. Эта трагичность в судьбах и ранняя взрослость на многих фотографиях поэтов-отцов. И неслучайно, своя лейтенантская группа, столь знаменитая среди прозаиков, была и среди поэтов-фронтовиков, поэтических выразителей пережитого на фронтах и в тылу.

За первыми пятью книгами «отцов» (родившихся до 1927 года) следуют четыре тома со стихами «детей», авторов с 1927 по 1945 год рождения; ранняя взрослость с лиц не уходит, но они уже не только полны трагедией страны и семьи, но и светятся надеждой и верой в будущее.

Невероятное только на первый взгляд количество поэтов со всех краёв огромной страны в каждом томе… Тысячи строчек, чаще всего незнакомых широкому читателю, не оставляющих равнодушными, повествующих о нашем великом и трагическом прошлом… И это кардинально отличает данное издание от всех предыдущих, переиздающих одни и те же тексты от праздника к празднику.

…Литературоведение не должно быть скучным. Немного лирики не помешает. Я никогда не сомневалась в героическом жизненном пути своих дедов. Хотя в детстве выудить из них даже каплю информации о фронтовой поре и послевоенном времени было почти невозможно. Они молча отводили глаза в сторону или опускали их долу, искра жизни в них пригасала. И каждый раз при очередной попытке розовощекого внука или внучки прицепиться с просьбой: «Дед, ну расскажи, а ты немцев убивал? А тебе страшно было?» – они тихим голосом отвечали: «Война и есть война, что о ней рассказывать…».

Лишь в дни цветущего мая наши деды одевали парадный пиджак с орденами, пробовали вытянуться в струнку, как в молодые годы по команде «Смирно!», готовясь предстать перед ровесниками и потомками… И тут же сгибали свои старые спины, вспоминая о ранах; а позже смахивали дрожащей рукой накатившуюся слезу, услышав из уст внука знакомую правду военной поры в строчках стихов или песни. Таким мне запомнился и мой дед-победитель.

Может быть, я и не заметила бы это издание за суетой. Но в последние годы тема военного прошлого особенно остро стала меня волновать. Сын решил выбрать путь профессионального военного. Думы, мысли, переживания о незнании таких важных моментов из жизни поколения дедов тревожили всё сильнее.

На помощь пришла антология «Война и Мир». Вычитанные в ней стихи постепенно раскрывали картину неведомой жизни.

И вот я словно вижу деда в белорусском партизанском отряде, читая стихотворение Пимена Панченко «Глаз снайпера»:

В его зрачок,
как будто в дом просторный,
Входили сосны, тучи, плёс озерный.
Косая тень вороньего крыла
С размаху глаз делила пополам.
Хотел бы снайпер в зёрнышке зеницы
Собрать, как прежде,
всех своих друзей,
Простор широких улиц, площадей,
Сады, луга, озера и криницы –
Но только снег вокруг
волной сыпучей
Да чёрный враг
в зрачок вползает с кручи.
В одно мгновенье, как змею, врага
Клещами сжали жесткие ресницы.
Короткий треск – и синие снега
Засыпали двухсотого «арийца»…
И вновь открыто снайперское око
Для птиц, друзей,
деревьев, звёзд высоких.

Его, рядового-стрелка (по записи в военном билете, а по воспоминаниям мамы – партизана-снайпера, часами, а то и сутками поджидавшего одного меткого выстрела), я в живых уже не застала. А прочитав строки Льва Гаврилова, сразу же «вспомнила» и «узнала» его, никогда не виденного и такого дорогого через память родителей:

Солдат повесил на пиджак
Последнюю медаль
И сделал шаг, последний шаг
В расстрелянную даль.
Туда, где ждут его давно,
Кто пал на той войне,
Где не было ему дано
Сгореть в её огне.
Когда склонилась голова,
Услышала Земля
Его последние слова:
«Здорово. Вот и я».

В каждом томе стихи о сожженных белорусских деревнях (и не только, конечно), угнанных в Германию жителях, партизанах и их помощниках, тяжёлых боях за освобождение родной земли и о счастье от вновь обретённой свободы.

Стихи о горе и счастье! О, как много их выстрадано поэтами и с болью и любовью пропето, сокровенно вышептано, выкрикнуто для нас.

Всё это – летопись моей белорусской многострадальной Родины! Летопись страны моего детства – Советского Союза.

В книгах плечом к плечу эпические, героические, лирические строки о боях на Украине, на Псковщине, под Москвой и Ленинградом, Сталинградом, Курском и Орлом, Смоленском и Вязьмой, Одессой и в Крыму… А ведь впереди у героев-защитников была Европа и Япония. Всё-всё в стихах антологии «Война и Мир».

В новых четырёх томах перед нами память детей, которые и захотели бы да никогда не забудут свою «Песню о детстве», так назовёт своё стихотворение Борис Вахнюк, и вторит ему Дмитрий Блынский:

Мне было в том году
неполных десять,
Когда пришёл фашист в начале дня,
Чтобы меня в моём саду повесить
Или в моей же хате сжечь меня.

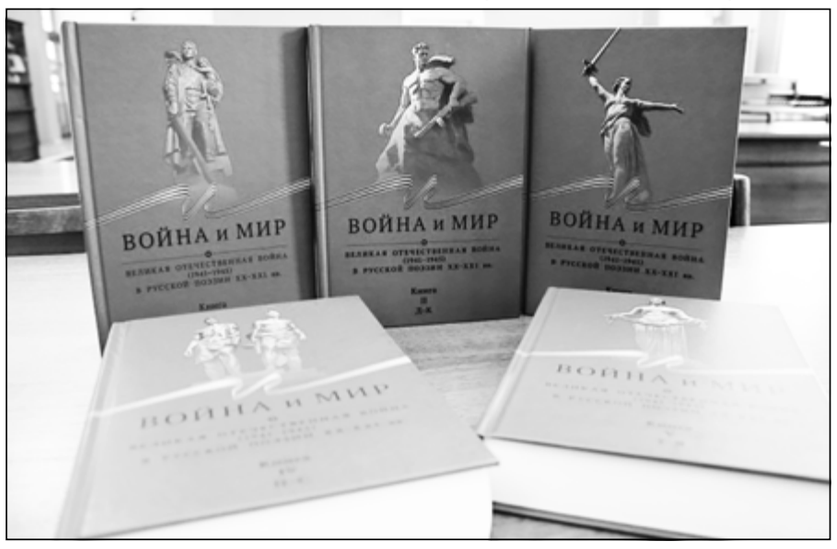
Некоторые из чудом выживших станут поэтами. Как Юрий Беличенко, чьи стихи стоят эпиграфом к 6 тому:

Я родился на берегу войны,
где берега другие не видны…
Я переплыл те пять великих лет.
Жестоких лет, неповторимых лет…
Кем мог я стать в эпоху тишины?
Не знаю сам – спросите у войны.

Как Олег Алексеев, рассказавший в «Видение войны»:

Привыкнув к голоду и боли,
Живу тростинкой, тонок, слаб,
Мальчонка в волчьем лихоборье,
В полях расстрелов и облав…

Или Адольф Беляев, засвидетельствовавший на века:



Дорога уходила на восток,
И гулкая, и горькая дорога.
По ней катился беженцев поток
От самого российского порога…
…А «мессеры», как рыжие шмели,
Железным жалом жалили дорогу.
А люди шли и падали в пыли,
Окрасив в кровь
ромашку-недотрогу…
Я помню всё, я это видел сам,
Как с ликами, калёными, как камень,
Библейские старухи небесам
Библейскими грозили кулаками.

Или выразившего за сотни тысяч сверстников благодарность судьбе Виктора Батраченко, родившегося в 1943 году:

Я живу потому, что мильоны солдат
в безымянных и братских
могилах лежат.
Их, расстрелянных,
павших в бою, не вернёшь,
но они задают мне вопрос:
«Как живёшь?

И все поэты-«дети» из поколения моих родителей, а многие матери у родственников-одногодков умирали от голода или были расстреляны фашистами. Об этом у Николая Карпова:

Жить и выжить в неволе,
Вдалеке от родных.
Видеть русское поле
Под ногами чужих.
Но однажды когда-то
Сквозь метели струи
В громогласных раскатах
Вдруг услышать: «Свои!».

Перечислять авторов со схожими судьбами, объединяя их в группы, сейчас не имеет смысла (оставим эту работу учёным филологам); главное: поколение *«выжило» «и душа осталась в теле»*, и очень многие стали настоящими людьми *«у страны военной на виду»* (Юрий Каплунов).

Так что, исходя из личного опыта, совершенно точно могу посоветовать неравнодушному современнику, которому, как и мне в своё время, не хватило исторических рассказов из первых уст, взять в руки бесценные тома, впитывая во всех цветах и красках войну: сером – от взрывов и дыма неба, чёрном – от «вспаханной» снарядами земли, алом – от крови погибших…

Но это ещё не всё… В этом фактически энциклопедическом издании можно прочесть не только про бои и фронтовые будни. Проникновенно повествуется и о жизни тыла, по-своему не менее тяжёлой и драматичной. Отдельный огромный художественный пласт – тяготы в военные и послевоенные годы женщин матерей, жён, сестёр, вдов. Много в антологии про их судьбу… Женщина ведёт свой бой. Женщина самоотверженно сохраняет детей от смерти для будущей жизни.

Очень точно подобраны иллюстрации для этих четырёх томов. На них – дети, девушки, женщины, «кующие» своим трудом победу. Они за плугом. Они сутками за станками. Они выстаивают бесконечные очереди за хлебом. Они плачут и смеются… Они находит в себе силы плясать после очередной победы наших войск, хотя не чувствуют под ногами земли от смертельной усталости и совсем недавно полученной похоронки. А в оккупации они остаются матерями и жёнами, отдавая последний кусок хлеба партизанам или автомат, украденный у пьяного немецкого солдата. Об этом можно прочитать у Евгения Шанина и ещё у многих-многих…

Женщина ждёт, надеется и верит в Победу. Женщина молится… Это и о моих бабушках пишет Борис Лапузин:

Я помню тот военный год:
Топтался голод у ворот.
Еда – макуха да вода.
Беда, на всю страну беда.
«Не умереть бы до весны», –
Мать шепчет, как молитву.
И сны, безжалостные сны
Из булок ситных.
Ни крошки хлебной после сна…
Но фронт – война,
И тыл – война.

А после Войны настал Мир. О Мире после войны будет в следующих томах «детей» (родившихся с 1945 по 1955) и «внуков». Всего в планируемых к изданию пятнадцати томах окажутся стихи около пяти тысяч авторов! Пять тысяч человеческих судеб, талантов, осмысливших историю нашей Родины.

Главный редактор-составитель Борис Иванович Лукин продолжает собирать стихи и биографии для живущих и будущих поколений читателей. А ещё и переводить стихи с разных языков – якутского, белорусского, татарского, украинского… Ведь у многих авторов произведения оказались не переведенными на русский.

2021 год. За 8 лет издано девять томов! Каждый от пятисот до семисот с лишним страниц ценнейших, изъятых у забвения, житейски-правдивых стихотворений! Две тысячи фотографий и биографий… И вспоминаются строки Пушкина:

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель…

К моему удивлению этот фундаментальный труд, такой необходимый сейчас неокрепшим и целенаправленно разрушаемым душам наших детей, остаётся почти незамеченным прессой. И если интервью с главным редактором ещё появлялись в печати, то рецензий – нет.

С каким удовольствием прочитала бы я стихи из антологии моему деду, раненому на Одере, но дошедшему с пехотой до Берлина. Только нет его уже с нами. Поэтому по возможности читаю вслух своим детям. Может, дед на небесах слышит нас…

Почти в каждом уголке страны найдутся земляки авторов из антологии «Война и Мир», значит – наследники и хранители памяти о них. А если будут помнить поэтов, никогда не забудут их стихи. Навечно прав Роберт Рождественский: «Это надо – живым!».

---

* ВОЙНА И МИР. Антология: Великая Отечественная война (1941-1945) в русской поэзии XX-XXI вв./ Идея: Дмитрий Мизгулин. Главный редактор, редактор-составитель: Борис Лукин. В 15 книгах. Книга VI-IX (Дети; А – Я, авторы с 1927 по 1945 г.р.). – Первый ИПХ, 2020. (Некоммерческое издание)

АНО «Газета русских писателей “ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”»
Учредитель – Союз писателей России
Свидетельство о регистрации от 12.04.2019
№ 1197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109
Тел. редакции: 8 (916) 015-80-69
Наш сайт: denliteraturi.ru Электронный адрес: denlitera@yandex.ru
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).
Тираж 4 000

Главный редактор – Валентина ЕРОФЕЕВА

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов 18+
Подписано в печать 28.04.2021 г. Заказ № 3018-2021